

АРМЯНСКИЕ ЗНАКОМСТВА ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

С. Г. АМИРЯН

Первым армянским знакомцем Тараса Шевченко был, как уже установлено, Ян Рустем, или, по литовским источникам, Йонис Рустемас (1761—1853), профессор и руководитель школы живописи в Вильнюсе, где, как полагают, Шевченко учился в течение нескольких месяцев в 1829—1831 гг. Документальных данных об учебе юноши-Шевченко у Рустема не сохранилось, кроме известного места из его письма товарищу по ссылке Бр. Залесскому, где упоминается совет «старика Рустема»: «Шесть лет рисуй и шесть месяцев малюй—и будешь мастером» (V, 311)¹. Но предположения, высказанные в свое время литовским литературоведом В. Абрамавичюсом относительно того, что «учение юного казачка у Рустема... проходило в непринужденной обстановке при сердечном отношении к нему старого профессора»², подтвердились последующими разысканиями армянского искусствоведа В. Арутюняна³. Изучив архивные материалы и ознакомившись с «внушающими доверие» заявлениями друга Рустема видного ботаника Юндзала, ученика Рустема художника Смакаускаса, известного польского искусствоведа Лоренца, Арутюнян установил, что Рустем действительно был армянином, а не турком или грузином, как значилось в официальных записях.

Он родился в Константинополе, в армянском районе Пера, в семье купца-армянина, вероятно, католического вероисповедания Франциска Рустема и французки. В 1771—1772 (по другим источникам, в 1774—1775) году юноша по имени Ованес Рустем был отдан на воспитание польскому богачу Адаму Чарторыйскому и увезен в Польшу, где он стал «Яном». Жил в Варшаве и «польском Версале»—Пулавах, получил всестороннее образование, учился у известного художника Норблена. Благодаря знакомству с художником Пранасом Смуглявичюсом переехал в Вильнюс, где в 1825 г. удостоился звания заслуженного профессора и где он прожил до конца жизни⁴.

Первый учитель рисования Тараса Шевченко не только привил ему навыки профессионального художника, что сказалось при его поступлении в Петербургскую Академию художеств, но и повлиял на формирование мировосприятия своего ученика. По сведениям, собранным как В. Абрамавичюсом, так и В. Арутюняном, он был человеком демокра-

¹ Здесь и далее все ссылки на произведения Т. Г. Шевченко даются в скобках в тексте по изданию: Тарас Шевченко. Собрание сочинений в пяти томах. М., 1964—1965. Римская цифра означает том, арабская—страницу.

² В. Э. Абрамавичюс. Шевченко у Вильнюс.—В кн.: Збірник праць десятої ювілейної наукової шевченківської конференції. Київ, 1962, с. 226.

³ В. Н. Арутюнян. Страницы из истории армяно-украинских связей в области изобразительного искусства.—В сб.: Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. Вып. 3, Ереван, 1971, с. 303.

⁴ См. Վահան Հարությունյան. Պոետի շինություն.— «Սովետական արվեստ», 1970, № 5, էջ 44—48 :

тических убеждений, сочувственно относился к польскому восстанию 1830 г., что не могло не отразиться на умонастроениях его учеников. Чрезвычайно интересно, что Рустем в своих произведениях бичевал церковь, социальные и нравственные устои современного ему общества. Отсюда, безусловно, и его пристрастие к графическим работам, многие из которых имели отчетливо выраженную политическую направленность.

Судя по сведениям, собранным В. Арутюняном в Вильнюсе, участие Яна Рустема в судьбе его талантливого ученика продолжалось и после отъезда последнего в Петербург. Желая помочь ему пробить дорогу в мир большого искусства, Рустем, оказывается, принимал непосредственное участие в освобождении Шевченко из крепостной зависимости⁵.

С армянами-художниками Шевченко общался и в годы учебы в Академии художеств. Среди его товарищей и друзей были академики Степан Нерсесов (Нерсисян, 1815—1884), впоследствии крупный армянский портретист и автор первых жанровых картин, и астраханец Мовсес Меликов (1818—?), племянник и воспитанник известного героя Бородинского сражения, а позднее попечителя Лазаревского института восточных языков в Москве генерала П. М. Меликова. В Академию художеств М. Меликов перешел из Лазаревского института в 1837—1838 году и учился вместе с Шевченко в классе К. Брюллова. Впоследствии (1896) он опубликовал воспоминания, где, описывая окружающую его среду в Академии художеств, дает колоритные портреты К. Брюллова, И. Айвазовского и других выдающихся художников его времени. Рассуждая, в частности, о педагогическом даре и демократизме своего учителя, М. Меликов пишет: «Брюллов говорил нередко, что в число своих учеников он может включить лишь того, кто понимает его, талантлив, и кому он может быть поэтому полезен». «Сколько новых дарований было замечено и выдвинуто в ту эпоху гением Брюллова!»—продолжает Меликов.—«...Все, что вращалось нового около светила искусства из мира художественного и литературного, люди с дарованием находили в Карле Павловиче поддержку и часто выдвигались им. В числе их был Тарас Григорьевич Шевченко...»⁶

Знакомцем Тараса Шевченко был и выпускник Академии художеств, а впоследствии великий маринист Иван (Ованес) Константинович Айвазовский (1817—1900). Айвазовский окончил курс учения в Академии художеств в 1837 г., но некоторое время он еще продолжал оставаться в Петербурге и только весной 1838 г. был откомандирован в Крым—для «писания видов с натуры». Не исключено поэтому, что два молодых художника могли встретиться еще до отъезда Айвазовского на родину—в студиях или выставочных залах Академии. Но, судя по автобиографической повести Шевченко «Художник», личное знакомство их произошло летом 1840 г., когда Айвазовский приехал из Феодосии в Петербург с тем, чтобы в числе нескольких стипендиатов Академии отправиться в Италию. И поскольку поездки этой был удостоен и талантливый украинский художник Василий Штернберг, окончивший вместе с Айвазовским Академию художеств с золотой медалью первой степени, а теперь живший на одной квартире с Шевченко, то и Айвазовский, в ожидании совместной поездки, поселился у них.

⁵ В. Н. Арутюнян. Страницы из истории армяно-украинских связей..., с. 304.

⁶ М. Е. Меликов. Заметки и воспоминания художника-живописца.—Русская старина. 1896, № 6, с. 653, 655.

В повести «Художник» Шевченко следующим образом описывает это событие: «На другой день, когда мы хотели приступить к лекции, приехал из Крыма Айвазовский и остановился у нас на квартире. Штернберг с восторгом встретил своего товарища, но мне, не знаю почему, на первый раз он не понравился... Портфели своей он нам не показывает, говорит—оставил в Феодосии у матери, а дорогой ничего не рисовал, потому что торопился застать первый заграничный пароход. Он прожил с нами, однако ж, с лишком месяц, не знаю по каким обстоятельствам...» (IV, 206—207). Биографы поэта склонны объяснять этот неблагоприятный отзыв тем, что Айвазовский, озабоченный подготовкой к отъезду, мало бывал дома и поэтому «показался Шевченко замкнутым, неприветливым»⁷. Заметим, что в повести смещены временные рамки этого эпизода. В действительности Айвазовский приехал в Петербург не в мае (как предполагается в повести), а в начале июля (до 9-го числа) 1840 г., а выехал за границу 20 июля, следовательно он прожил у Шевченко около двух недель.

Основываясь на словах самого поэта («на *первый раз* он не понравился»), можно предположить, что у Шевченко были впоследствии и другие встречи с Айвазовским, сложилось иное, более благоприятное о нем мнение. И действительно, Шевченко вряд ли остался в стороне от того интереса, который проявлял художественный мир Петербурга к блестящим успехам Айвазовского за границей во время поездки 1840—1844 гг. А после возвращения из этой поездки, в конце лета 1844 г. поэт, вероятно, не раз встречался с ним—вплоть до весны 1845 г., т. е. до второй своей поездки на родину, откуда он уже вернулся в сопровождении жандармских штыков. Встречи эти, по-видимому, происходили и в выставочных залах Академии художеств, и у Брюллова, и у общих знакомых. Шевченко и специально мог встретиться с Айвазовским, чтобы разузнать у него о последних годах жизни В. Штернберга, безвременно умершего в 1845 г. в Риме. Однако, к сожалению, мы не располагаем какими-либо данными об этих встречах, а последующее и единственное его упоминание об Айвазовском также критического характера. Но критика здесь иного рода и говорит о более серьезной и принципиальной подоплеке отношения Шевченко к Айвазовскому.

По возвращении из ссылки в Петербург, в апреле 1858 г., Шевченко пишет одному из своих благожелателей русскому писателю С. Т. Аксакову: «Да еще, как на грех, выставка случилась в Академии художеств, которой я так давно не видел и которая для меня теперь самое светлое, самое высшее наслаждение. Какие пейзажи, просто чудо! Калам огромное имеет влияние на наших пейзажистов. Айвазовский, увы, спасовал. Он из божественного искусства сотворил себе золотой кумир и ему молится. Грешно так оскорблять бескорыстное, непорочное искусство. Бог ему судия» (V, 436). Этот суровый отзыв был адресован четырнадцати жанровым картинам Айвазовского—«Стадо овец во время урагана», «Овцы», «Дорога в лесу», «Обоз чумаков в пути», «Камыши на Днепре близ местечка Алешки», «Цыганский табор» и др.,—которые не были определяющими, а скорее эпизодическими в творчестве великого мариниста. Некоторые из них, по заказу любителей, Айвазовский неоднократно повторял. Например,

⁷ Е. П. Кириллук, Е. С. Шаблювський, В. Г. Шубравський Т. Г. Шевченко. Біографія. Київ. 1964, с. 73.

«Стадо овец во время урагана» имеет свыше пяти вариантов⁸. Это и вызвало, по всей вероятности, нареkanie Шевченко, на собственном опыте убедившегося, что в картинах, сделанных по заказу, художник не может не потворствовать вкусам заказчика и писать «без малейшей фантазии». «Да тебе не только не заплатят,—из дому выгонят, как злейшего карикатуриста»,—сетует по этому поводу герой его повести «Прогулка с удовольствием и не без морали», которому в конце концов приходится смириться с обстоятельствами (IV, 305).

Что же касается обвинения в поклонении Айвазовского «золотому кумиру», то оно, конечно же, несправедливо. Иван Айвазовский получал, разумеется, значительные суммы за свои картины, но никогда не задавался специально целью писать для денег. Напротив, когда этого требовало глубоко присущее ему чувство гражданственности, он нередко отказывался от личной выгоды. Сошлемся хотя бы на такой случай. Во время пребывания в Неаполе, сообщая в письме от 30 апреля 1841 г. конференц-секретарю Академии художеств В. И. Григоровичу об успехе своих картин, Айвазовский между прочим замечает: «На каждую картину было по несколько охотников, небольшие все продал, но «Ночь неаполитанскую» и «День» я никак не хотел уступить иностранцам»⁹. Художник предпочитает отдать их за меньшую сумму русским меценатам, но с условием, чтобы они были посланы в Академию. И таких фактов зафиксировано немало в документах и материалах об Айвазовском.

В начале 40-х годов, перед заграничной поездкой, когда Айвазовский был чрезвычайно обеспокоен материальным положением своих престарелых родителей, которых он оставлял в крайней нужде, президент Академии художеств А. Н. Оленин писал по этому поводу: «Сей достойный художник не по алчности к деньгам желал бы получить некоторую сумму за его труды, но единственно для большего обеспечения престарелых и беднейших своих родителей, пребывающих в Крыму. Их участь он по возможности устроил частью насущного своего хлеба. Вот черта нравственности г. Айвазовского, которая служит к вящему украшению художнического его таланта!»¹⁰ Письмо это было написано в ответ профессору Академии художеств А. И. Зауервейду, предлагавшему выдать Айвазовскому денежную награду за купленные у него Николаем I две картины—«Десант в Субаши» и «Вид Севастопольского рейда». В 50-е годы, когда материальное положение Айвазовского и его семьи упрочилось, он начал выделять большие суммы на благотворительную деятельность, не только в пользу своих соплеменников-армян, но и на другие нужды, в частности—учеников Академии художеств.

Расхождение между Шевченко и Айвазовским все же нужно искать в различном творческом методе двух художников. Для Шевченко, в конце 50-х годов уже последовательного реалиста, борца за критический реализм и в живописи, автора серии рисунков «Притчи о блудном сыне» (1856—1857), не имевших параллелей в искусстве того времени по смелому сатирическому обличению николаевской России, было, очевидно, неприемлемо далекое на первый взгляд от

⁸ Мы признательны исследователю жизни и творчества И. Айвазовского М. С. Саргсяну, советами и указаниями которого пользовались во время написания этой статьи.

⁹ Айвазовский. Документы и материалы. Ереван, 1967, с. 52.

¹⁰ Там же, с. 45.

социальных проблем века искусство Айвазовского-романтика, каким он был в ранний период творчества.

Знакомство с Тарасом Шевченко и другими выдающимися украинцами не прошло бесследно и для Айвазовского. Исследователь его жизни и творчества Н. Барсамов пишет: «Близость с Гоголем, Штернбергом и Шевченко бесспорно способствовала развитию интереса к Украине у Айвазовского и пониманию им поэтических красот украинской природы и крестьянского быта»¹¹. Уже в 40-е годы у Айвазовского появляются картины с украинскими пейзажами. Особенно любил он изображать украинскую степь, которая в его творческом воображении была связана с морской стихией. Иногда он разнообразил этот сюжет различными деталями—ветряными мельницами или обозами чумаков, которые встречал, возвращаясь весной из Петербурга в родной город. Случалось ему и поехать по Украине. Так, в начале 1838 г. по пути в Крым он заехал вместе с В. Штернбергом в имение Качановка украинского помещика-мecenата Г. С. Тарновского, с которым, судя по повести «Художник», Штернберг познакомил и Шевченко. Впоследствии Тарновский приобрел несколько картин Айвазовского, в том числе его большую картину «Лунная ночь в Гурзуфе». В Качановке, где была большая картинная галерея, в разное время бывали Н. Гоголь, М. Глинка, С. Гулак-Артемовский и другие деятели украинской культуры. В 1843 г. в имении Тарновского гостил и Шевченко, а впоследствии изобразил Качановку и его хозяина в повести «Музыкант».

Н. Барсамов ставит в заслугу Айвазовскому то, что «он первый творчески воспринял и воплотил в прекрасные живописные образы безбрежное раздолье украинских степей, плодоносящую мощь их тучных земель, радость ежегодного цветения и обновления степи и плавное течение «чудного Днепра». «До Айвазовского,—пишет он,—в живописи не существовало изображения степных просторов Украины. Степь вообще не являлась сюжетом для живописных произведений, ее открыл для искусства Айвазовский»¹².

Мы не располагаем, к сожалению, другими, более определенными данными об отношении И. Айвазовского к великому украинскому поэту и художнику. Не может не вызвать недоумения, что в бумагах Айвазовского нет каких-либо упоминаний о Шевченко. Правда, значительная часть его эпистолярного наследия утеряна.

Великомученическую судьбу революционного демократа Тараса Шевченко разделил другой великий сын Армении, его современник и единомышленник Микаэл Налбандян. Армянские исследователи—академик А. Г. Иоаннисян, М. Шагинян, С. Арешян, С. Даронян и другие—не раз касались в своих работах философских, социально-политических и художественных параллелей и схождений в писательском творчестве и публицистических трудах двух поэтов и мыслителей. Были высказаны предположения относительно личного знакомства и связей Шевченко и Налбандяна, которые могли состояться в 1859—1860-е годы в период учебы М. Налбандяна в Петербургском университете. Во всяком случае автор «Свободы» был в числе тех передовых представителей армянского и грузинского студенчества, у которых, как об этом пишет известный шевченковед Е. С. Шаблювский, «исключительным уважением пользуется украинский поэт» по воз-

¹¹ Н. С. Барсамов. И. К. Айвазовский. М., 1962, с. 75.

¹² Там же, с. 76.

вращении из ссылки¹³ и среди которых читались и передавались из рук в руки его поэма «Кавказ» и другие запрещенные цензурой произведения. Поэтому-то, несмотря на атмосферу полицейской слежки, принуждавшей к глубокой конспирации, приверженность и сочувствие М. Налбандяна к великому революционному поэту Украины не могли не проявиться, и они действительно выговорились в год смерти Шевченко в труде «Земледелие как верный путь», где он писал: «Малороссию... самодержавие сковывает цепями, а пророков ее свободы встречает тюрьмами, кнутом и ссылкой.—Распространяют цивилизацию»¹⁴. Не приходится сомневаться, что под «пророкм свободы» он имел в виду Тараса Шевченко, а последние слова его фразы—«распространяют цивилизацию»—являются реминисценцией, своеобразным публицистическим обобщением саркастических инвектив Шевченко прогив колонизаторской политики царизма в поэме «Кавказ» (см. I, 342, 344).

Содержательную страницу в истории армянских связей Шевченко составляет его общение с армянами Мангышлака, куда осенью 1850 г. был перевезен ссыльный поэт. Современники оставили описание последнего места ссылки Шевченко. Вот одно из них: «Новопетровское укрепление, где Тарас Григорьевич провел оставшиеся семь лет своей изгнаннической жизни, являло собой небольшой укрепленный пункт... и было расположено на обрывистой известковой скале, которая возвышалась на крайнем западе полуострова Мангышлак, за три версты от берега Каспийского моря. Небольшая огражденная церковь, комендантский дом, госпиталь и несколько кирпичных флигелей для нижних чинов и офицеров, окрашенных в желтый казенный цвет—вот и вся крепость. Около нее, под горой несколько армянских лавок, а вокруг голая степь и никаких признаков растительности»¹⁵.

По свидетельству очевидцев, Шевченко часто посещал армянский поселок¹⁶. Вероятно, его интересовала жизнь этих пасынков судьбы, заброшенных, как и он, на край света. Этим только можно объяснить ту глубокую заинтересованность, которую проявил обычно сдержанный и неразговорчивый с незнакомыми людьми поэт в беседе с заезжим армянским священником. Об этом эпизоде жизни Шевченко рассказывает в своих воспоминаниях казачий офицер с Урала Никита Савичев, навестивший поэта весной 1852 г. в Новопетровском укреплении. Встреча со священником состоялась у коменданта крепости И. Маевского, благожелательно относившегося к ссыльному поэту. Н. Савичев пишет: «На именинах коменданта было весело и приятно: сошелся народ весь теплый... Шевченко сиял. Мы сидели с ним по обе стороны армянского священника, приехавшего для исполнения христианских треб к жившим в укреплении армянам. Это был замечательно умный и образованный человек, не католик, а грегорианец, и говорил по-русски в совершенстве. Шевченко прилепился к нему: в свою очередь и священник очень заинтересовался Тарасом Григорьевичем. Мне было чего послу-

¹³ Е. С. Шаблиновский. Т. Г. Шевченко и русские революционные демократы. М., 1963, с. 73.

¹⁴ М. Налбандян. Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1954, с. 413.

¹⁵ М. С. Зарянко. Спогади Н. І. Ускової про Т. Г. Шевченка.—В кн.: Спогади про Тараса Шевченка. Київ, 1982, с. 241.

¹⁶ См.: Н. Савичев. Кратковременное знакомство с Т. Г. Шевченко.—Казачий вестник. 24—27 мая 1884 г.

шать и вблизи и около»¹⁷. По воспоминаниям Н. Савичева, комендантские именины продолжались с утра до глубокой ночи. В течение этого времени продолжалась и беседа Шевченко с армянским священником. Описывая ночной разъезд гостей, Савичев прибавляет, что «армянский священник и Шевченко составили близнецов», т. е. были неразлучны.

О чем же беседовали в продолжение столь длительного времени Шевченко и армянский священник? К сожалению, Н. Савичев не приводит содержания этой беседы, и о нем приходится лишь догадываться. Шевченко могли заинтересовать и вопросы религиозного характера, и историческое прошлое армян, и их современное социально-экономическое состояние, и армянские колонии, и многие другие вопросы, в освещении которых и проявились замечательный ум и образованность его собеседника¹⁸.

Недавно украинским шевченковедам удалось установить имя интересного собеседника Шевченко. Им оказался священник Астраханской армяно-григорианской церкви Мхитаров Миней Мхитарович¹⁹. Последнее обстоятельство дает повод для новых предположений. Возможно, Шевченко расспрашивал его и о жизни армян Астрахани, интересовался историей их обоснования в этом городе. Быть может, именно от астраханца М. М. Мхитарова узнал он о существовании книги М. С. Рыбушкина «Записки об Астрахани» (М., 1845), в которой освещалась и история основанной здесь со времен Ивана Грозного армянской колонии. О том, как настойчиво искал он эту книгу во время своего недолгого пребывания в Астрахани, когда возвращался из ссылки, свидетельствуют многие записи в его «Дневнике» (см. V, 97, 100—102). Вполне допустимо также, что именно сведения, почерпнутые из беседы с армянским священником, помогли Шевченко, еще не бывшему в Астрахани, создать, как мы увидим, столь убедительный колорит жизни местных армян в повести «Близнецы».

Возвращаясь к мангышлакским связям Шевченко, заметим, что впоследствии стало известно и об отношении к ссыльному поэту обитателей армянского поселка, об их теплом и дружеском участии в его судьбе. Многие годы спустя эти места посетил Оваким Соловян (1864—1919), который в статье «Тарас Шевченко. Украинский Прометей» рассказывает: «Случалось нам слышать о Шевченко от армян Мангышлака. Они относились к поэту с большой любовью и отзывались о нем с похвалой»²⁰. По-видимому, из расспросов мангышлакских долгожителей О. Соловян вынес впечатление, что если Шевченко в эти «суровые годы» и «довелось увидеть несколько светлых дней, то это были дни, проведенные им в кругу армян»²¹.

Знание быта армян Мангышлака и Астрахани запечатлены в прозе Шевченко, в его социально-психологической повести «Близнецы», написанной в 1855 г. в Новопетровском укреплении. Шевченко обычно создавал свои повести на материале украинской действительности. Ко-

¹⁷ Там же.

¹⁸ Любопытно, что эти вопросы, но уже касательно грузинского народа, занимали Т. Шевченко во время его более поздней встречи с молодым Акакием Церетели. Об этом см.: Левац Асатиани. Жизнь Акакия Церетели. Тбилиси, 1947, с. 77—79.

¹⁹ См. примечания к упомянутой статье Н. Савичева «Кратковременное знакомство с Т. Г. Шевченко» в кн.: Спогади про Тараса Шевченка, с. 478.

²⁰ «*Ժողով*» (Тараз). Тифлис, 1911, № 3, с. 39. Статья была написана по поводу 50-летия со дня смерти Т. Шевченко.

²¹ Там же.

торую он воспроизводил по воспоминаниям. И только в тех случаях, когда писатель чувствовал недостаточность одних воспоминаний, он переносил место действия своих героев за пределы Украины и показывал их в среде, доступной его наблюдениям. Ибо, как бытописатель, Шевченко любил изучать «натуру», и его герои часто имеют своих прототипов в жизни. Такой хорошо изученной «натурой» явилась в названной повести среда астраханских армян, где появляется один из героев повести, штабс-капитан Зосим Сокира: «По воскресеньям и по праздникам начал он прилежно посещать армянскую церковь и загородные армянские гульбища, где не замедлил приобрести себе не одного матаха, особенно между молодыми сынами богатых и старых отцов...» (IV, 84).

В «Близнецах» поставлена очень занимавшая Шевченко в те годы морально-этическая проблема воспитания и воздействия общественной среды на формирование человека. Если один из братьев-близнецов, Савватий, получив гуманитарное образование, становится полезным обществу человеком и опорой для престарелых родителей, то другой брат, Зосим, деградирует под разлагающим влиянием офицерской среды, превратившись в плута и мошенника. Соответственно вся сюжетная линия, связанная с жизненными перипетиями этого «блудного сына», дана в сатирических и юмористических тонах. Этой тональностью отмечены и матримониальные похождения Зоси среди армян, как и сама эта среда зажиточных обывателей:

«... Всеми городу известно, что он зять армянина NN и всему городу также известно, что прекрасная армяночка позволила себя похитить и обвенчаться на ней тайно в Черном Яру, что он, как истинный герой романа и совершил беспрекословно, воспламеняясь не столько прекрасными глазками своей возлюбленной, сколько червончиками ее почтенного родителя. Честолюбивый армянин охотно простил, но насчет прилагательного лажонически сказал: чека. «Нехорошо! — подумал мой рыцарь. — Маненько дал маху, надо будет зайти с другого боку», и, придя домой, принялся сначала ругать, а потом уговаривать и просить свою армяночку, чтобы она обокрала отца, (уверая), что для ее же счастья это необходимо сделать, что он, старый скряга, умрет с голоду, а деньги кухарка украдет. Но, несмотря на все доводы о необходимости обокрасть отца, армяночка решительно сказала:

— Чека.

— А, чека так чека! Я приму свои меры — И он выгнал свою армяночку из квартиры, снявши с нее салоп и дорогие бусы за протокры и убытки, как сам он выразился» (IV, 85).

Встречающиеся в тексте армянские слова — *матах*, *чека* (*матах*, букв. «жертва», употребляется в быту как ласковое обращение, здесь означает «закадычный друг», *чека* — «нету», здесь означает «нет»), говорят о том, что Шевченко часто слышал армянскую речь, а возможно, и сам пользовался некоторыми запомнившимися ему словами и оборотами. Да и сама эта трагикомическая история незаконной женитбы царского офицера на дочери честолюбивого армянина могла быть былью и услышана Шевченко из рассказов новопетровских офицеров или армян — например, того же астраханского священника.

В августе 1857 г., получив долгожданную свободу и возвращаясь в Петербург, Шевченко задержался в Астрахани на семнадцать дней. При знакомстве с архитектурой города, с жизнью его многонационального населения поэт не без интереса наблюдал и за бытом астраханских армян, о чем свидетельствуют его записи в Дневнике от 6 и 8 ав-

густа. Фиксируя «вяло-красивые армянские... выразительные физиономии», выглядывавшие из лавок, расположенных на наиболее благоустроенной, Московской улице города, поэт говорит и о вопиющей нищете и отсталости населения астраханского предместья, представшего перед ним, как «огромная безобразная серая куча мусора» (V, 92). «Где же причина этой нищеты (наружной) и отвратительной грязи (тоже наружной), и, вероятно, внутренней? — записывает Шевченко в Дневнике, — где эта причина?» Поэт склонен искать ее в социально-экономических и политических условиях. Ведь и «другие наши губернские города ничем не уступают Астрахани...» (там же). В этом Шевченко убеждается, проезжая мимо других приволжских городов.

Таким образом, если в первый период жизни, до ссылки, Шевченко знакомился и встречался с живописцами-армянами, выходцами не из самой Армении, если по возвращении из ссылки он мог общаться с передовыми представителями петербургского армянского студенчества, увлеченными его освободительными идеями, то в годы ссылки ему пришлось столкнуться и с осколками самого народа, заброшенного в места его проживания. При этом от внимания поэта не ускользнуло бедственное положение тружеников-армян, влачащих жалкое существование. «Куда ни глянешь — все постыло!» (II, 366) — таков был итог раздумий Шевченко о николаевской действительности, вынесенный из десятилетней ссылки и запечатленный в одном из стихотворений того периода. Эта емкая строка-формула вобрала, безусловно, его наблюдения и над постылой жизнью армянского населения далекого закаспийского местечка, носящего ныне его имя — Форт Шевченко.

ՏԱՐԱՍ ՇԵՎՉԵՆԿՈՅԻ ՀԱՅ ԾԱՆՈԹՆԵՐԸ

Ս. Գ. ԱՄԻՐՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

Թեև Տարաս Շևչենկոն չի եղել կովկասում և Հայաստանում, ինչպես և Արևմտյան Ուկրաինայում, որտեղ նրա օրոք ղեկս հաղթանակում էր հայկական գաղթօջախը, բայց նա իր կյանքի տարբեր շրջաններում առնչվել է հայ ժողովրդի զանազան խավերի ներկայացուցիչների հետ: Ինչ մինչև արտորվելը (1847 թ.) Տարաս Շևչենկոն կապեր է ունեցել լիտվական ու լեհական հայտնի նկարիչ, Վիլնյուսի գեղարվեստական դպրոցի պրոֆեսոր ու ղեկավար Յան (Հովհաննես) Ռուսսեմի հետ, որի մոտ պատանի Տարասը ձեռք է բերել նկարչի իր առաջին հմտությունները. ճանաչել է Պետերբուրգի ղեղարվեստական ակադեմիայի սաներ, թիֆլիսեցի Ստեփան Ներսեսովին (Ներսիսյան), աստրախանցի Մովսես Մելիքովին, նույն ակադեմիայի շրջանավարտ, հետագայում հանրահռչակ ծովանկարիչ Իվան (Հովհաննես) Այվազովսկուն, որի հետ ունեցած հանդիպումը նա նկարագրել է ինքնակենսագրական բնութի «նկարիչը» պատմվածքում: Արսուրից վերադառնալուց հետո (1858—1861) Տարաս Շևչենկոն գտնվել է Պետերբուրգի համալսարանի առաջադեմ ուսանողության, այդ թվում՝ հայ ուսանողների բարեկամական մրթնությունում, և ենթադրություն կա, որ նա ծանոթ է եղել և հանդիպել Միքայել Նալբանդյանին: Իսկ արսուրի ամենածանր տարիներին (1850—1857) նա կապեր է ունեցել Մանգիշլակ թերակղզում բնակվող հայերի հետ, որոնք սիրալիր են վերաբերվել արսուրական բանաստեղծին և երկար տարիներ անմոռաց պահել նրա մասին իրենց ջերմ հուշերը: Մանգիշլակի և Աստրախանի հայության կյանքի և վարք ու բարքի իմացությունը արտացոլվել է ոչ միայն Տարաս Շևչենկոյի «երկվորյակներ» պատմվածքում, որտեղ նա զգտագործել է նաև առանձին հայերին բառեր, այլև նրա «Օրագրում»: